

Тофалары конца XIX в. в полевых материалах Н.Ф. Катанова

О.В. Кудашкина^{1а}, Е.В. Кудашкина^{2б}

¹ МБОУ СОШ № 34, г. Братск

² ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск

^а olgakudaskina@gmail.com, ^б olgakudaskina@gmail.com

^а <https://orcid.org/0009-0001-9609-1255>, ^б <https://orcid.org/0009-0000-9681-8576>

Статья поступила 29.04.2026, принята 07.06.2026

Статья посвящена анализу полевого дневника выдающегося тюрколога и этнографа Николая Федоровича Катанова, составленного в ходе экспедиции к тофаларам (карагасам) в 1890 г. В работе рассматривается значение этого источника для реконструкции различных аспектов жизни тофаларского общества в конце XIX века. Авторы прослеживают историографическую традицию изучения тофаларов, начиная с первых фрагментарных упоминаний в трудах Палласа и Георги в XVIII веке, через фундаментальные лингвистические исследования Кастрена середины XIX века и этнографические описания Радлова, что позволяет показать место дневника Катанова в системе накопления научных знаний о народе. Особое внимание уделяется методике полевой работы Катанова, который не ограничивался внешними наблюдениями, но вступал в длительные беседы с информаторами разных поколений, фиксируя их прямую речь, автобиографические сведения и комментарии. На материалах дневника подробно анализируются географические условия обитания тофаларов, их хозяйственная деятельность, включая традиционные промыслы и новые формы занятости, связанные с работой на золотых приисках. Рассматриваются статистические данные о численности податного населения, поголовье оленей и объемах пушной добычи, позволяющие проследить динамику экономического положения. Значительное место уделяется реконструкции социальной организации тофаларов, включая родовую структуру, систему управления, правовые обычаи и брачные нормы. Подробно анализируются религиозные представления, шаманские практики, обряд освящения животных, погребальные обычаи и фольклорные материалы, включая песни, сказки и загадки, раскрывающие мировоззрение и духовную культуру народа. В статье также рассматриваются межэтнические контакты тофаларов с урянхайцами, бурятами и русским населением. Авторы приходят к выводу, что дневник Катанова представляет собой комплексный исторический источник, позволяющий реконструировать процессы трансформации тофаларского общества в переломный период его истории, когда традиционный уклад вступал в сложное взаимодействие с рыночными отношениями и имперской административной системой. Актуализация этого источника с применением современных методологических подходов открывает новые перспективы для изучения адаптационных механизмов коренных народов Сибири к меняющимся социально-экономическим условиям и сохранения их культурной идентичности.

Ключевые слова: тофалары; карагасы; этнограф Н.Ф. Катанов; этнография Сибири; исторический источник; полевая экспедиция; межэтнические контакты; история коренных народов.

The Tofalars of the late XIX century in the field materials of N.F. Katanov

O.V Kudashkina^{1а}, E.V. Kudashkina^{2б}

¹ Secondary School № 34; 47, Primorskaya St., Bratsk, Russia

² Irkutsk State University; 1, Karl Marx St., Irkutsk, Russia

^а olgakudaskina@gmail.com, ^б olgakudaskina@gmail.com

^а <https://orcid.org/0009-0001-9609-1255>, ^б <https://orcid.org/0009-0000-9681-8576>

Received 29.04.26, accepted 07.06.26

The article analyzes the field diary of the outstanding turkologist and ethnographer Nikolai Fedorovich Katanov, compiled during his expedition to the Tofalars (Karagas) in 1890. The paper examines the significance of this source for reconstructing various aspects of Tofalar society in the late XIX century. The historiographic tradition of Tofalar studies is traced, beginning with the first fragmentary mentions in the works of Pallas and Georgi in the XVIII century, through the fundamental linguistic research of Castrén in the middle of the XIX century and the ethnographic descriptions by Radlov, which reveals the place of Katanov's diary in the accumulation of scientific knowledge about these people. Special attention is paid to Katanov's fieldwork methodology, as he did not limit himself to external observations but engaged in lengthy conversations with informants from different generations, recording their direct speech, autobiographical information, and commentaries. Based on the diary materials, the geographical conditions of Tofalar habitation are analyzed in detail, along with their economic activities, including traditional crafts and new forms of employment associated

with work in gold mines. Statistical data on the taxable population, reindeer numbers, and fur harvest volumes are examined, allowing one to trace the dynamics of the economic situation. Considerable attention is devoted to reconstructing the social organization of the Tofalars, including their clan structure, governance system, legal customs, and marriage norms. Religious beliefs, shamanic practices, the rite of animal consecration, funerary customs, and folklore materials, including songs, tales, and riddles that reveal the worldview and spiritual culture of the people, are analyzed in detail. The article also examines interethnic contacts of the Tofalars with the Uriankhais, Buryats, and Russian population. The conclusion is made that Katanov's diary represents a comprehensive historical source allowing the reconstruction of transformation processes in Tofalar society during a critical period in its history, when the traditional way of life entered into complex interaction with market relations and the imperial administrative system. The reevaluation of this source using modern methodological approaches opens new perspectives for studying the adaptation mechanisms of Siberian indigenous peoples to changing socio-economic conditions and the preservation of their cultural identity.

Keywords: Tofalars; Karagas; ethnographer N.F. Katanov; ethnography of Siberia; historical source; field expedition; interethnic contacts; indigenous history.

Введение. Изучение истории коренных народов Сибири традиционно сталкивается с проблемой ограниченности и фрагментарности источниковой базы. Официальная делопроизводственная документация, статистические отчеты и актовые материалы, при всей их информативной насыщенности, фиксируют преимущественно внешние параметры жизнедеятельности инородческого населения – фискальные обязательства, административное подчинение, количественные показатели хозяйства. За пределами этих документов остаётся значительный пласт сведений, касающихся внутренней социальной организации, правовых обычаев, религиозных представлений и повседневных практик, составляющих подлинное содержание этнической истории. Восполнить этот пробел позволяют источники иного рода – полевые записи исследователей, работавших непосредственно в инородческой среде и применявших методы непосредственного наблюдения и опроса информаторов.

Анализ истории изучения тофаларов в XVIII–XIX вв. позволяет выделить несколько этапов накопления научных знаний об этом народе, каждый из которых характеризовался определёнными методами сбора информации и исследовательскими задачами. Первоначальный этап, представленный трудами П.С. Палласа и И.Г. Георги, носил характер первичного описания, когда тофалары фиксировались в ряду других народов Сибири в рамках общих естественнонаучных экспедиций, а сведения о них имели фрагментарный и попутный характер [1, с. 45–67; 2, с. 78–92].

Принципиально новый этап наступил в середине XIX века с экспедициями М.А. Кастрена, чья методика полевой работы основывалась на длительном пребывании в среде изучаемого народа, непосредственном наблюдении и сборе лингвистического материала. Результатом этой работы стал фундаментальный труд по грамматике карагасского диалекта, заложивший основы научного изучения не только тофаларского, но и других тюркских языков Сибири [3, с. 1–256]. Однако, как справедливо отмечается в литературе, наследие Кастрена остается недостаточно востребованным в отечественной науке, что создаёт разрыв между мировым значением его открытий и их доступностью для российских исследователей. Вторая половина XIX века ознаменовалась экспедициями В.В. Радлова, который, в отличие от Кастрена, сосредоточился не столько на лингвистическом, сколько на этнографическом описа-

нии, фиксируя особенности хозяйственного уклада и социальной организации карагасов [4, с. 78–84]. Таким образом, к концу XIX века сложилась определённая традиция изучения тофаларов, в рамках которой сформировались два основных подхода: лингвистический, идущий от Кастрена, и этнографический, представленный Радловым. Эти подходы создали ту источниковую базу, на которую впоследствии опирались исследователи конца XIX – начала XX века, включая Н.Ф. Катанова, чей дневник 1890 года стал следующим важным этапом в документировании жизни тофаларского общества [5, с. 5–96; 6, с. 133–230].

К записям Н.Ф. Катанова о тофаларах (карагасах) на протяжении XX века обращались многие исследователи, специализировавшиеся на этнографии и истории тюркских народов Сибири. Известный советский этнограф С.А. Токарев в своем историко-этнографическом обзоре алтайско-саянских народов высоко оценил работы Катанова, отметив особую ценность его материалов филологического и этнографического характера, включая записи фольклора [7, с. 19]. Фундаментальное значение трудов Катанова признавалось в советской историографии Сибири, где его наследие ставилось в один ряд с работами таких классиков, как В.В. Радлов, Д.Н. Анучин и А.Н. Пыпин [8, с. 19]. Специальное внимание катановским материалам, посвящённым этнографии тофаларов, уделил С.И. Вайнштейн, который на основе изучения опубликованных и архивных источников осветил вклад Катанова в исследование этого народа наряду с хакасами, тувинцами и другими тюркскими этносами [4, с. 78–92]. В его статье дан анализ содержания и значения рукописей Катанова, включая «Дневник путешествия», представляющий большой интерес для изучения этнографии народов Саяно-Алтайского региона конца XIX века [4, с. 78–92]. Таким образом, на протяжении XX столетия записи Катанова о тофаларах неоднократно привлекали внимание исследователей, которые признавали их высокую научную ценность для реконструкции традиционной культуры, быта и мировоззрения этого народа.

В XX веке научное наследие Н.Ф. Катанова, включая его материалы по тофаларам, получило развитие в трудах нескольких поколений исследователей. Фундаментальный вклад в изучение тофаларского языка был внесён В.И. Рассадным, который в своих работах опирался в том числе на лингвистические материалы Катанова [10; 11]. К этнографическим записям Катано-

ва обращалась Л.В. Мельникова, чья монография «Тофы» обобщила и критически переосмыслила данные всех доступных источников, включая дневник Катанова, что позволило создать целостную картину традиционной культуры народа [12]. Важное значение для исторической реконструкции расселения и социальной структуры предков тофаларов имели работы Б.О. Долгих, который использовал в своих исследованиях архивные документы и ранние описания путешественников, в том числе материалы Катанова [13]. Фольклорная традиция, зафиксированная Катановым, была продолжена и дополнена в исследованиях Р.А. Шерхунаева, чьи сборники сказок и библиографический словарь ввели в научный оборот новые образцы устного народного творчества [14; 15]. Преемственность научной традиции демонстрируют и современные исследователи, такие как В.А. Кудашкин, который в своих работах по социально-экономической истории коренных малочисленных народов активно использует данные предшественников, включая материалы Катанова, для реконструкции процессов развития тофаларов в XX столетии [16].

Таким образом, обращение к трудам исследователей XX века, опиравшихся на катановское наследие, позволяет не только оценить сохранность и интерпретацию его материалов, но и проследить эволюцию научных подходов в изучении тофаларского этноса.

Актуальность очередного обращения к этому материалу продиктована не только его содержательной насыщенностью, но и эволюцией самой исторической науки, расширением её методологического инструментария. Если ранее подобные источники рассматривались преимущественно как этнографические описания, фиксирующие «экзотические» черты быта и культуры, то современная историография, опирающаяся на методы микроистории, антропологии власти, истории повседневности и постколониальных исследований, открывает новые перспективы их прочтения. Сегодня дневник Катанова может быть осмыслен как многомерный исторический источник, позволяющий реконструировать не только внешние параметры существования тофаларского общества, но и механизмы его внутренней саморегуляции, способы адаптации к меняющимся экономическим условиям, характер взаимодействия традиционных институтов с имперской административной системой. Трансляция этого источника в новое научное пространство, его повторная публикация и интерпретация с учётом современных методологических подходов позволяет не только восстановить историческую справедливость по отношению к народу, чья история долгое время оставалась на периферии академического внимания, но и ввести в научный оборот материалы, способные существенно обогатить наши представления о процессах, происходивших в среде коренных народов Сибири в переломный период их истории – на этапе активного включения в сферу товарно-денежных отношений и усиления контактов с русским населением.

Методологическая основа данного исследования определяется спецификой источниковой базы и теми исследовательскими задачами, которые возникают при обращении к полевым материалам Н.Ф. Катанова. Поскольку дневник учёного представляет собой ком-

плексный источник, сочетающий элементы непосредственного наблюдения, записи устных свидетельств, статистические выкладки и этнографические описания, его изучение требует применения междисциплинарного подхода, интегрирующего методы источниковедения, исторической антропологии, этнологии и микроистории.

Особое значение приобретает источниковедческий анализ, позволяющий определить степень достоверности зафиксированных сведений, выявить субъективные компоненты авторского восприятия и реконструировать контекст создания документа. Применение методов исторической антропологии даёт возможность рассматривать зафиксированные Катановым сведения о хозяйственных практиках, социальных нормах и религиозных представлениях не как статичные этнографические признаки, а как элементы живой культуры, находившейся в процессе трансформации. Микроисторический подход, в свою очередь, позволяет через анализ конкретных ситуаций и биографий информаторов (90-летнего Костаяка, 87-летнего Николая, 63-летнего Колсана) выйти на более широкие обобщения о характере социальных изменений в тофаларском обществе конца XIX века. Важную роль играет также метод сравнительного анализа, дающий возможность сопоставить сведения Катанова с данными официальной статистики и материалами других исследователей того времени для верификации полученных выводов. Таким образом, применение обозначенного методологического инструментария позволяет не только извлечь из дневника Катанова максимальный объем информации, но и интерпретировать её в контексте современных представлений о характере социально-экономических и культурных процессов, происходивших в среде коренных народов Сибири в период их активного взаимодействия с имперской административной системой и рыночными структурами.

Дневник Николая Федоровича Катанова, составленный в ходе экспедиции 1890 г. и дополненный собранными им официальными статистическими данными за 1882–1888 гг., представляет собой документальное свидетельство, фиксирующее различные стороны жизни тофаларского общества в конце XIX века [5, с. 5–96]. Материалы Катанова отличаются полнотой охвата и тщательностью фиксации наблюдаемых явлений. Исследователь не ограничивался отдельными наблюдениями, но стремился создать систематическое описание, включающее географические, хозяйственные, социальные и культурные аспекты. Такой подход позволяет рассматривать данный дневник как комплексный источник, дающий возможность реконструировать состояние тофаларского этноса в определённый исторический период.

Методика работы Катанова в поле заслуживает отдельного внимания. Он не просто записывал внешние наблюдения, но вступал в длительные беседы с представителями разных поколений и социальных групп, фиксируя их прямую речь, автобиографические сведения и комментарии. Записи бесед с 90-летним Костаяком, 87-летним Николаем, 63-летним Колсаном и другими информаторами позволяют увидеть события глазами самих тофаларов [5, с. 10, 14, 23]. Катанов также собирал сведения у разных категорий населения: у ря-

довых охотников, у купцов, у шуленги (князя), у женщин, что обеспечило многоголосие свидетельств и возможность сопоставления различных точек зрения [5, с. 16–17, 24–25].

Географический материал дневника даёт представление о пространстве обитания тофаларов и его освоении. Катанов детально описывает свой маршрут по рекам Бирюсе, Уде, их притокам, фиксирует расстояния между зимовьями, характер местности [5, с. 5–9, 62–66]. Важное значение имеют его уточнения и исправления существовавших карт, где, по его словам, были обозначены «деревни и села, никогда не существовавшие» [5, с. 65]. Сеть зимовий, содержащихся русскими крестьянами и ссылкой, предстаёт как система опорных пунктов, вплетённая в традиционную территорию кочевий. Описания встреч с держателями зимовий, их рассказы о торговле с карагасами, о долгах и взаимных претензиях раскрывают характер повседневных контактов двух народов [5, с. 5–6].

Экономическое положение тофаларов в 1880-е годы характеризовалось сочетанием традиционных промыслов и новых форм занятости. Катанов фиксирует, что основой существования оставались охота на пушного зверя (соболь, белка, выдра) и копытных (олень, лось, изюбрь), а также оленеводство [5, с. 68–80]. Наряду с этим, тофалары занимались изготовлением предметов быта на продажу: трубок, чубуков, лыж, седел, деревянной посуды [5, с. 6, 80, 90]. Важным источником дохода становились работы на золотых приисках, где тофалары нанимались для рубки дров или «старательских» работ [5, с. 12, 53, 56]. Однако эти новые формы занятости не вели к улучшению материального положения, поскольку оплата часто производилась товарами, а полученные продукты и вещи нередко выменивались на алкоголь.

Статистические данные, приведённые Катановым из официальных источников, позволяют проследить количественные показатели хозяйственной деятельности за ряд лет. Согласно этим сведениям, численность податных работников колебалась, но при этом подать взималась по ревизским спискам за 248 душ, что не соответствовало реальному числу плательщиков [5, с. 62, 68, 77]. Поголовье домашних оленей сокращалось: с 1744 в 1882 г. до 984 в 1888 г. [5, с. 69, 71, 86]. Объёмы добычи пушнины также не были стабильны, а недоимки по платежам накапливались, достигнув к 1889 г. значительных сумм [5, с. 82, 86]. Эти показатели свидетельствуют о трудностях, с которыми сталкивалось традиционное хозяйство в условиях интеграции в рыночные отношения.

Социальная организация тофаларов сохраняла родовую структуру, деление на пять «костей» (Каш, Сарыг Каш, Чогду, Кара Чогду, Чептей) [5, с. 7, 27–28, 87–88]. Каждая кость имела свою территорию для охоты и возглавлялась даргой. Общее руководство осуществлял выборный шуленга («улу паш» – великая голова) [5, с. 7]. Катанов фиксирует порядок выборов, размеры жалования (шуленга получал 30 рублей в год, дарги – по 5 рублей), обязанности должностных лиц [5, с. 7–8, 17]. Старшина вершил суд, шуленга представлял интересы перед внешней властью. При этом исследователь отмечает, что при плохом управлении

должностные лица могли быть переизбраны до истечения трёхлетнего срока, что говорит о наличии механизмов контроля со стороны общины [5, с. 7].

Правовые представления и обычаи, зафиксированные Катановым, отражают систему регуляции внутрисемейных и межличностных отношений. Суд производился старшиной, наказанием служили розги (до 30 ударов) [5, с. 17]. За прелюбодеяние виновный выплачивал компенсацию оленями или деньгами [5, с. 15–16]. Брачные нормы запрещали союзы внутри одной кости, что обеспечивало экзогамию [5, с. 21]. При этом добрачные отношения молодежи, по свидетельству информаторов, не считались предосудительными и не влекли наказания [5, с. 16]. Вдовы имели право вступить в новый брак [5, с. 15]. Эти нормы существовали параллельно с имперским законодательством и регулировали значительную часть повседневных отношений.

Описания материальной культуры включают сведения о жилище, одежде, пище и средствах передвижения. Тофаларские юрты имели коническую форму, покрывались оленьими шкурами и берестой. Катанов фиксирует размеры юрт (диаметр основания около 2,5 сажени), внутреннее устройство, расположение двери (всегда на восток) [5, с. 8, 13]. Пищевой рацион составляли мясо добытых животных, рыба, дикорастущие растения (сарана, черемша, болиголовник, полевой лук) [5, с. 18, 52]. Употреблялись также грибы и березовый сок [5, с. 18, 44]. Одежда шилась из шкур и меха, при этом Катанов отмечает, что у детей были рваные шубы, что косвенно указывает на уровень благосостояния [5, с. 8].

Оленеводство занимало особое место в хозяйстве тофаларов. Катанов фиксирует численность оленей в каждом стойбище, отмечая сокращение поголовья по сравнению с прошлым («прежде у одной дёввицы было 200 оленей») [5, с. 14]. Олени использовались для верховой езды, перевозки грузов, давали молоко, которое продавали русским [5, с. 14]. Управлялись олени с помощью веревки, «не входящей в рот» [5, с. 14]. Катанов описывает, как при откочевке олени собирались на зов хозяина [6, с. 36–37]. Сокращение поголовья он связывает с болезнями, нападениями хищников и общим экономическим неблагополучием.

Религиозные представления тофаларов включали развитую систему верований, связанных с духами-хозяевами природы, культом предков и шаманскими практиками. Катанов фиксирует представления о духах Аза, о владыке загробного мира Эрлик-хане, о небесном божестве [5, с. 13, 18]. Обряды задабривания духов включали жертвоприношения огню, привязывание рубах к шестам перед охотой или рыбалкой [6, с. 11, 36]. Шаман (кам) выполнял функции посредника между миром людей и духов. Описания шаманского костюма, бубна, колотушки, камлания содержат детали, позволяющие реконструировать этот комплекс верований в его конкретных проявлениях [6, с. 11, 16–17, 61].

Обряд освящения животных (ыдык) подробно описан Катановым со слов информаторов. Этот обряд совершался шаманом для предотвращения болезней и падежа оленей. Животное (олень или конь) ставилось перед дверью юрты головой на восток, шаман окуривал его богородской травой, обливал чаем и привязывал к гриве и хвосту лоскуты ткани разного цвета [5, с. 17–18].

После освящения на животном никто не мог ездить, кроме хозяина. Нарушение запрета могло, по поверьям, привести к гибели животного или человека. Этот обряд отражал стремление обеспечить благополучие стада и рода через установление особых отношений с духами-покровителями [6, с. 11].

Погребальные обычаи, зафиксированные Катановым, различались в зависимости от времени года. Летом умерших закапывали в землю на глубину «до плеч человека», зимой сооружали надземный сруб-ящик [5, с. 11–12, 51]. Тело укладывали головой на запад, ногами на восток. В могилу помещали личные вещи: нож, топор, чашку, седло, табак, водку [6, с. 12]. Шаманов хоронили особым образом: в выдолбленном дереве, а их атрибуты (бубен, костюм, колотушку, шапку) вывешивали на дереве с западной стороны могилы [5, с. 17]. Эти различия указывают на особый статус шамана и сохраняющиеся представления о посмертном существовании.

Фольклорные материалы, собранные Катановым, включают песни, сказки, загадки и анаграмматические диалоги [5, с. 22–36, 42–50, 56–61]. Песни (ыр) отражают разные стороны жизни: любовные переживания, семейные отношения, разлуку с родителями. Особую группу составляют женские песни, в которых звучат темы тяжёлой доли, выданной замуж против воли («Я имѣла отца, который пропил меня») [5, с. 46]. Сказки (улегер) содержат архаичные мифологические мотивы: путешествия в иные миры, борьбу с духами, превращения людей в животных. Некоторые сказки, например, о происхождении медведя от старшего брата, отражают тотемические представления, сохранявшиеся в исторической памяти [5, с. 67].

Записи о межэтнических контактах показывают, что тофалары поддерживали связи с соседними народами. С урянхайцами (сойотами) велась оживленная меновая торговля: тофалары сбывали порох, свинец, иглы, платки, получая взамен шкуры, оленей, ремни [5, с. 21, 56]. Некоторые урянхайцы переселялись к тофаларам, вступали в смешанные браки [5, с. 56, 66]. Контакты с бурятами отражены в генеалогических преданиях [5, с. 7, 19]. Отношения с русскими носили наиболее интенсивный и противоречивый характер: от хозяйственного взаимодействия и принятия крещения до конфликтов, связанных с торговлей вином и неэквивалентным обменом [5, с. 5–6, 81]. Катанов фиксирует жалобы тофаларов на «крайнюю бѣдность» и невозможность расплатиться с долгами [5, с. 38].

Сведения, собранные Катановым, позволяют сделать вывод о том, что в 1880–1890-е годы тофаларское общество переживало период изменений, вызванных

усилением контактов с русским населением и включением в сферу товарно-денежных отношений.

Традиционное хозяйство, основанное на оленеводстве и охоте, испытывало давление, что вело к сокращению поголовья оленей, колебаниям промысловой добычи и накоплению недоимок. Вместе с тем, тофалары сохраняли родовую структуру, язык, основные элементы духовной культуры и правовые обычаи. Фиксация этих процессов Катановым даёт материал для понимания того, как коренной народ адаптировался к новым условиям, сохраняя при этом свою идентичность.

Таким образом, полевой дневник Н.Ф. Катанова занимает особое место в комплексе источников по истории тофаларского народа конца XIX века. Значение этого документа определяется несколькими факторами.

Во-первых, в отличие от официальной делопроизводственной документации, фиксировавшей преимущественно фискальные и административные параметры, материалы Катанова позволяют реконструировать внутренние механизмы функционирования тофаларского общества: систему родового управления, правовые обычаи, брачные нормы, религиозные представления и повседневные практики.

Во-вторых, применённая исследователем методика полевой работы, предполагавшая длительные беседы с информаторами разных поколений и социальных групп, фиксацию их прямой речи и автобиографических сведений, обеспечила многоголосие свидетельств и возможность увидеть исторические события глазами самих тофаларов.

В-третьих, собранные Катановым статистические данные за ряд лет (1882–1888) дают возможность проследить динамику хозяйственных процессов и демографических изменений, выявить тенденции, не фиксируемые разовыми наблюдениями.

Особую ценность представляет зафиксированный Катановым фольклорный материал – песни, сказки, загадки, отражающие мировоззрение, систему ценностей и историческую память тофаларов. Таким образом, дневник Катанова выступает не просто как этнографическое описание, а как комплексный исторический источник, позволяющий реконструировать состояние тофаларского общества в переломный период его истории, когда традиционный уклад вступал в сложное взаимодействие с рыночными отношениями и имперской административной системой.

Актуализация этого источника с применением современных методологических подходов открывает новые перспективы для изучения процессов адаптации коренных народов Сибири к меняющимся социально-экономическим условиям и сохранения их культурной идентичности.

Литература

1. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства: в 3 ч. / П.С. Паллас. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1788. Ч. 3, кн. 1. 624 с.
2. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: в 4 ч. / И.Г. Георги. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1799. Ч. 2: о народах финских, татарских и монгольских. 178 с.
3. Кастрен М.А. Опыт грамматики койбальского и карагаского диалектов / М.А. Кастрен. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1857. 256 с.
4. Валеев Р.М. Вклад профессора Н.Ф. Катанова в историко-этнографическое изучение тюркских народов Евразии / Р.М. Валеев // Научный Татарстан. 2009. № 1. С. 16–31.
5. Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки Императорского Русского географического общества по

- отделению этнографии. Т. XVII. Вып. 2. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1891. С. 1–96.
6. Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки Русского географического общества. 1891. Т. XVI. Вып. 2. С. 133–230.
7. Токарев С.А. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры / С.А. Токарев. М.: Изд-во Московского университета, 1958. 615 с.
8. Вайнштейн С.И. Н.Ф. Катанов и его неопубликованные материалы по этнографии тувинцев, тофаларов и хакасов / С.И. Вайнштейн // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1971. Вып. 5. С. 78–92.
9. Радлов В.В. О карагасах / В.В. Радлов // Известия Императорского Русского географического общества. 1864. Т. 5. С. 78–84.
10. Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка / В.И. Рассадин. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. 252 с.
11. Рассадин В.И. Тофаларско-русский, русско-тофаларский словарь / В.И. Рассадин. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 288 с.
12. Мельникова Л.В. Тофы: историко-этнографический очерк / Л.В. Мельникова. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 304 с.
13. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б.О. Долгих. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 622 с.
14. Шерхунаев Р.А. Сказки и сказочники Тофаларии / Р.А. Шерхунаев. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. 168 с.
15. Шерхунаев Р.А. Советская Тофалария: библиографический словарь / Р.А. Шерхунаев. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1978. 284 с.
16. Кудашкин В.А. Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края во второй половине 1950-х – 1991 гг. / В.А. Кудашкин, С.А. Янюшкин. Братск: ГОУ ВПО «БрГУ», 2009. 172 с.
- emy of Sciences, 1799. Part 2: about the Finnish, Tatar and Mongolian peoples. 178 p.
3. Castren M.A. Experience in the grammar of the Koibal and Karagas dialects / M.A. Castren. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1857. 256 p.
4. Valeev R.M. Contribution of Professor N.F. Katanov in the historical and ethnographic study of the Turkic peoples of Eurasia / R.M. Valeev // Scientific Tatarstan. 2009. No. 1. P. 16–31.
5. Katanov N.F. A trip to the Karagas in 1890 // Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography. T. XVII. Vol. 2. St. Petersburg: Printing house I.N. Skorokhodova, 1891. pp. 1–96.
6. Katanov N.F. A trip to the Karagas in 1890 // Notes of the Russian Geographical Society. 1891. T. XVI. Vol. 2. pp. 133–230.
7. Tokarev S.A. Ethnography of the peoples of the USSR: historical foundations of life and culture / S.A. Tokarev. M.: Moscow University Press, 1958. 615 p.
8. Weinstein S.I. N.F. Katanov and his unpublished materials on the ethnography of the Tuvans, Tofalars, and Khakassians / S.I. Weinstein // Essays on the History of Russian Ethnography, Folklore Studies, and Anthropology. Moscow: Nauka, 1971. Vol. 5. Pp. 78–92.
9. Radlov V.V. On the Karagas / V.V. Radlov // Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society. 1864. Vol. 5. Pp. 78–84.
10. Rassadin V.I. Phonetics and Lexicon of the Tofalar Language / V.I. Rassadin. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1971. 252 p.
11. Rassadin V.I. Tofalar-Russian, Russian-Tofalar Dictionary / V.I. Rassadin. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1989. 288 p.
12. Melnikova L.V. Tofs: a historical and ethnographic essay / L.V. Melnikova. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1994. 304 p.
13. Dolgikh B.O. Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century / B.O. Dolgikh. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 622 p.
14. Sherkhunaev R.A. Tales and Storytellers of Tofalaria / R.A. Sherkhunaev. Kyzyl: Tuva Book Publishing House, 1975. 168 p.
15. Sherkhunaev R.A. Soviet Tofalaria: Bibliographic Dictionary / R.A. Sherkhunaev. Kyzyl: Tuva Book Publishing House, 1978. 284 p.
16. Kudashkin V.A. Socio-Economic and Cultural Development of Indigenous Peoples of the Irkutsk Region and Krasnoyarsk Krai in the Second Half of the 1950s – 1991 / V.A. Kudashkin, S.A. Yanyushkin. Bratsk: State Educational Institution of Higher Professional Education "BrSU", 2009. 172 p.

References